K30 & 31

Донской Атаманъ

ПЛАТОВЪ.

(1751—1818).

ЕГО ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ.

Съ портретомъ и иллюстраціями въ текстѣ.

Составилъ

Е. И. Тарасовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Вѣстника Казачьихъ Войскъ".
1902.

Безплатное приложеніе къ «Вѣстнику Казачьихъ Войскъ».

12302/37

Донской Атаманъ

ПЛАТОВЪ.

(1751—1818)

его жизнь и подвиги.

Съ портретомъ и иллюстраціями въ текстѣ.

Составилъ

Е. И. Тарасовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Вѣстника Казачьихъ Войскъ".
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . 3— 4

I. Первые годы службы . . . . . 5— 9

II. Заточеніе. Оренбургскій походъ. Реформы на Дону 9—13

III. Война съ французами. Война съ турками . . . 14—18

IV. Отечественная война . . . . . 18—23

V. Заграничные походы . . . . . 24—27

VI. Возвращеніе на Донъ и послѣдніе годы. Характерныя черты личности Платова . . . . . 28—32

№ 18837 V

18 - XI - 1929

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Января 1902 г.

Типо-Литографія М. П. Фролова й. Галерная, 6.

М. И. Платовъ.

(Съ литографіи Мюнстера).

Предисловіе.

Бываютъ эпохи въ жизни почти каждаго народа, когда онъ испытываетъ особенный подъемъ духа, когда въ средѣ его появляется цѣлый рядъ выдающихся, сильныхъ личностей, какъ: полководцы, администраторы, великіе художники или ученые. Въ русской исторіи блестящій вѣкъ Екатерины II можно по справедливости считать эпохою талантливыхъ и геніальныхъ полководцевъ, какъ: Румянцевъ, Суворовъ, Потемкинъ и Кутузовъ. Къ этой славной плеядѣ великихъ полководцевъ относится и донской вихорь-атаманъ М. П. Платовъ. Надо думать, что цѣлый рядъ войнъ, которыя вела Россія, развили въ русскихъ людяхъ наслѣдственную страсть къ войнѣ; а время Екатерины Великой было особенно воинственнымъ и воспитало цѣлую плеяду замѣчательныхъ полководцевъ. Царствованіе императора Александра тоже не было мирнымъ и по своему характеру являлось внѣшнимъ продолженіемъ царствованія его великой бабки. Такимъ образомъ героизмъ въ средѣ русскихъ не уменьшался, а увеличивался, и отечественная война, когда врагъ дерзнулъ на цѣлость самой Имперіи, только ярче проявила героизмъ, развивавшійся со временъ Екатерины. Изъ ея сподвижниковъ еще жили и дѣйствовали Кутузовъ и Платовъ; за ними слѣдовавшее поколѣніе молодыхъ героевъ, какъ Багратіонъ, Барклай-де-Толли, Ермоловъ и другіе, вышли изъ той же школы.

Личность Платова настолько грандіозна и величава, что выступаетъ изъ тѣсныхъ рамокъ исторіи донскихъ казаковъ; она принадлежитъ исторіи всей Россіи такъ же, какъ Румянцевъ, Суворовъ, Багратіонъ. Онъ первый изъ

донцовъ достигъ міровой славы, такъ что имя его гремѣло по всему свѣту. И если Россія гордится такимъ замѣчательнымъ вождемъ, такою сильною личностью, то еще болѣе должны гордиться своимъ атаманомъ сами донскіе казаки, изъ среды которыхъ вышелъ этотъ герой, спаситель Россіи въ черную годину [1]).

---

[1]) Для читателя, который хотѣлъ бы подробнѣе ознакомиться съ самимъ Платовымъ и его временемъ, перечисляемъ здѣсь сочиненія и статьи, которыя послужили матеріаломъ при составленіи этого краткаго очерка: 1) Смирной. Графъ М. И. Платовъ. 1821 г. Три части. 2) Историч. Вѣстникъ. 1883 г., X, 46 (ст. Арсеньева). 3) Вѣстн. Евр. 1822 г., часть 21, № 3. (Характеръ Платова). 4) Графъ Платовъ или подвиги дон. воиновъ. 1813 г. М. 5) Абаза. Донцы, кубанцы, терцы и уральцы. 6) Дубровинъ. Отечественная война въ письмахъ современниковъ (1812—1815 г.). СПБ. 1882. 7) Его же—Письма главныхъ дѣятелей въ царствованіе Александра I. 8) А. Ч. Рус. Инвалидъ 1853 г. № 236, с. 1081—1082 (Воспоминаніе о Пл. по случаю откр. памятн.). 9) Рус. Вѣстникъ 1816, № 11 (с. 36—52: письма Н. Смирного). 10) Рус. Вѣстникъ 1813, ч. 3, № 8 и 9 (с. 51—58). 11) Рус. Вѣстникъ 1818, № 11 (с. 117—121). 12) Рус. Вѣстникъ 1816 года. 13) Рус. Вѣстникъ 1818, № 3—4. 14) Рус. Вѣстн. 1819, № 6. 15) Рус. Вѣст. 1814, к. 2, 12—13. 16) Рус. Вѣст. 1815, к. 10 и 15. 17) Дон. Войсковыя Вѣдом. 1854, № 2 и 10 (с. 46—47). 18) Донскія Войсковыя Вѣдомости 1853, № 48. 19) Дон. Войск. Вѣдом. 1864, № 13 и 47. 20) Сѣв. Пчела 1827, 139. 21) Благонамѣренный 1823, № 24 (с. 325—327). 22) Сынъ Отечества 1818, ч. 46, № 20. 23) Сынъ Отечества, 1813, № 5, № 16. 24) Чтенія Общества Исторіи и Древностей 1862 г., кн. 1, отд. V, с. 193—208 (Письма 1812 г.). 25) С. Ушаковъ Дѣянія россійскихъ полководцевъ. 1822. 26) Воен. энциклопед. лексиконъ. 1856, томъ X, (с. 336—343). 27). Самарскій Спр. Листокъ. 1867, № 57 28) Донская Газета. 1874, № 41. 29) Дон. Обл. Вѣдом. 1874, № 84. 93, 94—96. 30) Дон. Епарх. Вѣд. 1874, № 21 (с. 656—661). 31) Дон. Епарх. Вѣд. 1875, № 9 и 33. 32) А. Красновъ. Матеріалы для стан. опис. Войска Дон. 1863 г. 33) Карасевъ. Крат. историч. и стат. опис. Войска Донского. 1887 г. 34) П. Красновъ. Атаман. памятка (ист. Атаман. полка). 1900 г. 35) Сочиненія Д. Давыдова, т. I—III.

Нѣкоторые рисунки для иллюстраціи текста любезно предоставлены намъ В. А. Березовскимъ.

Атаманъ Платовъ.

(Жизнь и подвиги).

I. Первые годы службы (1768—1796).

Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, знаменитый герой и войсковой атаманъ донцовъ, родился въ 1751 году въ Старочеркасскѣ, который тогда назывался просто Черкасскомъ, Отецъ его былъ войсковымъ старшиною въ рангѣ майора, образованія никакого не получилъ и былъ только грамотенъ. Онъ не былъ ни бѣденъ, ни богатъ, скорѣе могъ считаться зажиточнымъ человѣкомъ. При отсутствіи на Дону въ то время школъ мальчикъ Платовъ не получилъ никакого образованія и на тринадцатомъ году поступилъ на службу сначала урядникомъ, а потомъ быстро произведенъ въ офицеры. Имѣя природный умъ и широкую неугомонную любознательность, молодой Платовъ не желалъ затеряться среди своихъ необразованныхъ станичниковъ и всюду искалъ случая попасть въ образованное общество, гдѣ вслушивался въ дѣльные разговоры и такимъ образомъ пріобрѣталъ знанія. Онъ также много времени удѣлялъ книгамъ, особенно историческимъ, и читалъ ихъ съ жадностью. Какъ это было и съ Суворовымъ, подвиги героевъ, описанные въ книгахъ, воспламеняли воображеніе юнаго Платова и зараждали неутомимую жажду такъ же прославиться, а если можно, то и поравняться съ ними.

Предъ началомъ первой турецкой войны (1768 г.) отецъ Платова посланъ былъ съ донскимъ полкомъ сначала на Бердянскую линію, а потомъ въ Петербургъ. Въ его отсутствіе хозяйствомъ управлялъ молодой Платовъ; это хозяйство состояло изъ рыболовныхъ заводовъ по берегамъ Азовскаго моря. Но молодому человѣку, жаждущему славы и подвиговъ, было совсѣмъ не по душѣ сидѣть на мѣстѣ и заниматься такимъ скучнымъ дѣломъ, какъ рыболовство. И вотъ онъ, при первыхъ извѣстіяхъ о войнѣ, поручилъ хозяйство при-

казчикамъ, а самъ, захвативши нѣсколько отважныхъ спутниковъ и запасныхъ лошадей, отправился въ 1770 году въ Крымъ къ главнокомандующему, князю В. М. Долгорукову. Ловкостью, быстротою и проворствомъ Платовъ заслужилъ расположеніе начальника, былъ включенъ въ свиту и произведенъ въ есаулы. Долгоруковъ потомъ еще выхлопоталъ ему награду,—чинъ войскового старшины и поручилъ ему командованіе цѣлымъ донскимъ полкомъ. Платову въ это время было только 20 лѣтъ, но, несмотря на такую молодость, онъ оказался достойнымъ своего чина и скоро отличился на Кавказѣ въ войнахъ съ горцами, именно на Кубани, у рѣчки Калалахъ. Дѣло было такъ: Платову поручили сопровождать къ арміи транспортъ съ провіантомъ и аммуниціей. Вся команда его состояла изъ его полка и полка Ларіонова, только при одномъ орудіи. Когда транспортъ находился уже далеко отъ арміи въ степи, на него напали татары подъ начальствомъ самого хана Девлетъ Гирея; они въ нѣсколько разъ превосходили отрядъ Платова, и положеніе его было очень скверное. Но здѣсь-то онъ и выказалъ свою неустрашимость, способность не терять головы даже въ минуты серьезной опасности. Вмѣсто того, чтобы просить пощады и сдаваться, какъ ему настойчиво совѣтовалъ его товарищъ Ларіоновъ, Платовъ остановилъ обозъ, велѣлъ окружить свой маленькій отрядъ телѣгами и на нихъ стоймя поставили кули съ мукою, такъ что устроили нѣчто въ родѣ полевого укрѣпленія. Затѣмъ, выбравъ двухъ храбрѣйшихъ казаковъ, онъ вдохновилъ ихъ, указавъ имъ, какой великій подвигъ совершатъ они, и, обѣщавъ имъ награду за успѣшное выполненіе, послалъ ихъ на ту сторону рѣчки Калалахъ, гдѣ стоялъ подполковникъ Бухвостовъ съ егерями, прося у него помощи. Не дожидаясь нападенія татаръ, Платовъ разослалъ въ разныя стороны по нѣсколько казаковъ, которые дразнили и безпокоили непріятеля. Затѣмъ, когда татары начали окружать обозъ, Платовъ засѣлъ съ отрядомъ за телѣгами и кулями и такъ геройски оборонялся, съ такимъ искусствомъ отстрѣливался, что татары ничего не могли подѣлать. Въ это время одинъ изъ посланныхъ казаковъ успѣлъ благополучно перебраться на ту сторону рѣчки и сообщилъ объ опасности, въ какой находился Платовъ, его отрядъ и обозъ. Бухвостовъ немедленно двинулся со своими егерями на помощь, и татары, замѣтивъ его приближеніе, бросили атаку и ускакали. Такъ молодецки избавился Платовъ отъ грозившей ему опасности. Это было въ 1774 году.

Послѣ калалахской стычки извѣстность Платова быстро стала рости по арміи и дошла до Потемкина, который началъ ему покровительствовать. По заключеніи мира при Кучукъ-Канарджи Платова, послали на Кубань, гдѣ онъ сдѣлалъ восемь походовъ и прославился искусствомъ содержать передовые караулы, открывать непріятеля, доставлять о немъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія и изнурять его разными хитрыми, ловкими нападеніями. Въ томъ же году онъ посланъ былъ со своимъ полкомъ противъ Пугачева и послѣ его поимки розыскивалъ его шайки по Воронежской и Казанской губерніямъ въ теченіе трехъ лѣтъ (1775—1777). Потомъ Платова опять вернули на Кубань, командировавъ противъ черкесовъ, чеченцевъ и лезгинцевъ, и онъ сражался противъ нихъ нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ на Кубанской линіи, въ стычкахъ и сраженіяхъ съ черкесскими и другими племенами, Платовъ прошелъ первую военную школу и вышелъ изъ нея испытаннымъ и закаленнымъ воиномъ, готовымъ помѣряться съ какимъ угодно врагомъ. Онъ превосходно постигъ военныя ухватки и привычки казака, зналъ его лучшія стороны и умѣлъ ими пользоваться. Тогдашніе высшіе начальники арміи видѣли и понимали, что Платовъ неоцѣнимъ, что никто не умѣетъ такъ быстро открывать непріятеля, доставать самыя точныя свѣдѣнія о немъ, безпокоить и мучить его хитрыми нападеніями и неожиданными засадами. На такой родъ службы способны были только такіе легкіе и подвижные кавалеристы, какъ казаки, подъ начальствомъ такого хитраго и изворотливаго предводителя, какъ Платовъ.

Когда началась вторая турецкая война (1788), Платовъ явился въ армію къ своему покровителю Потемкину. При взятіи Очакова онъ участвовалъ какъ полковникъ со своими донцами, именно, у него была тысяча спѣшившихся и двѣсти конныхъ на правомъ флангѣ въ первой колоннѣ. Въ слѣдующемъ году съ отрядомъ казаковъ и частію конныхъ егерей Платовъ напалъ при Коушанахъ на турецкое войско, бывшее подъ начальствомъ Гасанъ-Паши и Беглеръ-Бея Анатолійскаго, разбилъ непріятеля и взялъ самого пашу въ плѣнъ. За это ему дали чинъ бригадира и званіе походнаго атамана. Съ этихъ то поръ атаманъ Платовъ стоитъ во главѣ донскихъ полковъ все время и участвуетъ во всѣхъ войнахъ, походахъ и наконецъ въ отечественной войнѣ. За все это время на челѣ донцовъ стоитъ геройское имя атамана Платова. Въ 1790 году онъ участвовалъ при взятіи Измаила (11 декабря), командуя двумя колоннами, и очень отличился.

Ему пожаловали орденъ Георгія 3 степени и Потемкинъ назначилъ его атаманомъ екатеринославскихъ и чугуевскихъ казаковъ. Послѣ войны императрица Екатерина II пожелала

Платовъ въ эпоху Екатерины II.

видѣть Платова (1791 г.),. обласкала его и въ знакъ особой милости разрѣшила ему при пріѣздахъ въ Царское Село останавливаться во дворцѣ, гдѣ ему отводились комнаты. Послѣ этого весь дворъ и весь Петербургъ узнали Платова.

У насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, гдѣ провелъ онъ слѣдующіе года; кажется, онъ былъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, потомъ на Дону и на Кубани. Въ 1795 году онъ участвовалъ въ походѣ на Персію подъ начальствомъ В. А. Зубова, руководя его дѣйствіями. Здѣсь онъ былъ атаманомъ не только донскихъ, но и всѣхъ дѣйствовавшихъ тамъ казачьихъ полковъ. Платовъ участвовалъ въ покореніи Дербента, Баку и Елизаветполя, и за эту кампанію получилъ кромѣ ордена св. Владиміра 2 ст. еще саблю, украшенную алмазами и съ надписью „за храбрость".

II. Заточеніе.—Оренбургскій походъ.—Преобразованія на Дону (1796—1806).

По смерти Екатерины II на Платова обрушилось несчастіе: его оклеветали предъ Государемъ. Дѣло было такъ. Онъ выпросилъ позволеніе поѣхать на Донъ повидать семью и привести въ порядокъ свои дѣла. Лишь только Платовъ уѣхалъ, клеветники—изъ его же соотечественниковъ, завидовавшіе его успѣхамъ при дворѣ, стали говорить, что его чрезвычайно любятъ не только казаки, но и калмыки и татары, что онъ нарочно ищетъ среди нихъ популярности и что-то замышляетъ, можетъ быть хочетъ передаться турецкому султану. Для этой-де цѣли онъ теперь и поѣхалъ на Донъ. Императоръ Павелъ I, человѣкъ подозрительный, повѣрилъ такимъ навѣтамъ; и такимъ образомъ Платову не дали доѣхать домой, схватили его на дорогѣ и сослали въ Кострому, а оттуда засадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ просидѣлъ до 1800 года.

Тяжело пришлось донскому атаману сидѣть въ тѣсномъ казематѣ безъ воздуха и солнца, въ одиночествѣ, вдали отъ родного Дона, его раздолья и степей, вдали отъ своихъ дѣтушекъ — казаченекъ. Самъ онъ впослѣдствіи такъ передавалъ объ этомъ сидѣніи: „Лѣтомъ въ этомъ каменномъ мѣшкѣ была холодная, пронизывающая сырость, отъ которой узникъ хворалъ жестокою горячкою, а зимой отъ печей несло такимъ чадомъ, отъ котораго глаза ѣло какъ отъ хрѣна. Стѣны были мокры и скользки, а по полу бѣгали крысы. Сначала мнѣ это казалось гадкимъ, а напослѣдокъ я къ этому гаду и онъ ко мнѣ, другъ къ другу, привыкли". Неизвѣстно, сколько бы онъ просидѣлъ въ крѣпости, но о немъ вспомнили по слѣдующему поводу. Императоръ Павелъ I подру-

жился съ Наполеономъ I и они вдвоемъ рѣшили подорвать могущество Англіи. Для этой цѣли Павелъ придумалъ снарядить походъ въ Индію. Платовъ, по мнѣнію совѣтниковъ государя, былъ бы самымъ подходящимъ предводителемъ этого похода. Немедленно государь потребовалъ его къ себѣ. Когда пришелъ къ нему самъ комендантъ крѣпости сообщить радостную вѣсть, Платовъ сначала не вѣрилъ, а потомъ сталъ думать, не на допросъ, не на казнь ли поведутъ его. Въ канцелярію коменданта позвали цирульника, и тотъ живо обрилъ, остригъ атамана по формѣ, потомъ сводили его въ баню, надѣли чистое бѣлье, а тамъ принесли и форму его, генералъ-майора донскаго войска.

„Горѣлочки бы теперь, да закусить чего-нибудь для храбрости, а то въ проклятомъ каменномъ мѣшкѣ всегда впроголодь сидѣлъ“, обратился атаманъ къ коменданту. Подкрѣпившись онъ въ тотъ же вечеръ съ фельдъегеремъ прямо изъ крѣпости доставленъ былъ во дворецъ къ государю.

— Здравствуй, Матвѣй Ивановичъ, — сказалъ ему государь, — очень радъ тебя видѣть.

Такое ласковое обращеніе ободрило Платова. Государь подвелъ его къ картѣ, гдѣ изображался путь по дикой степи отъ Оренбурга до Индіи.

— „Видишь эту дорогу, сказалъ Павелъ, знаешь ты ее? она тебѣ знакома?“ Хотя Платовъ незналъ ея совершенно, но страхъ предъ Павломъ, который не любилъ противорѣчій или отказовъ, заставилъ его солгать.

— Ты пройдешь съ казаками по этой дорогѣ въ Индію, Матвѣй Ивановичъ? спросилъ государь.

— Пройду, Ваше Величество, отвѣтилъ Платовъ въ отчаяніи: а самъ думалъ: „хоть къ черту на рога, къ самому лукавому въ пекло идти, а не въ этотъ проклятый гнилой казематъ!“

Императоръ остался крайне доволенъ тѣмъ, что его надежды оправдались, что онъ нашелъ нужнаго ему человѣка, который выполнитъ его планъ.

— Генералъ Платовъ! торжественно произнесъ Государь,— вотъ тебѣ въ награду моя табакерка съ портретомъ.

Видимо Государь хотѣлъ помириться съ донскимъ атаманомъ и загладить предъ нимъ свою вину, вычеркнуть изъ его памяти тяжелые годы заключенія въ крѣпости, опалу и ссылку. Онъ даже украсилъ его командорскимъ крестомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Ему разрѣшили остаться

въ Петербургѣ только три дня и потомъ ѣхать на Донъ поднимать казаковъ къ походу.

— Тамъ ты посадишь на коня всѣхъ, кто только сидѣть можетъ и копье держать, и съ этимъ деташементомъ (т. е. отрядомъ) иди ты немедля съ Дона черезъ Уралъ на Оренбургъ. Въ Оренбургѣ губернаторъ Бахметевъ дастъ тебѣ „языковъ“ (переводчиковъ) и все нужное для похода. Отъ Оренбурга ты пустишься степями, мимо Хивы и Бухары, до самой Индіи.“

Когда вѣсть объ освобожденіи Платова достигла донскихъ казачьихъ слободъ, не было предѣла ихъ радости: такъ они любили своего батьку-атамана. Платовъ вскорѣ отправился на Донъ, куда еще до его пріѣзда пришелъ именной Высочайшій указъ „собрать все донское войско на сборныя мѣста: чтобы всѣ наличные оберъ-офицеры и нижніе чины непремѣнно въ 6 дней выступили о двухъ коняхъ и съ полутора мѣсячнымъ провіантомъ“. Такимъ образомъ подъ начальствомъ походнаго атамана Платова собралось 27½ тысячъ человѣкъ, съ которыми онъ и пустился въ январѣ 1801 г. въ дальній путь. До Оренбурга идти было хорошо и весело, но дальше открывалась невѣдомая степь, и пути по ней никому не были извѣстны. На дорогѣ рыскали кочевники, угрожавшіе нападеніемъ. Цѣлая орда киргизовъ была присоединена къ войскамъ для ухода за тысячами верблюдовъ, везшихъ провіантъ для людей, фуражъ для лошадей, дрова, палатки и все имущество отряда. Длинной вереницей потянулись они въ невѣдомую степь. Наступила зима, пошли стужи, ударилъ морозъ и начались бѣдствія. Верблюды падали каждый день; киргизы, наскучивъ длиннымъ и опаснымъ походомъ, стали тайкомъ убѣгать, уводя съ собою и верблюдовъ. Начались болѣзни между казаками; прекратились смѣхъ и пѣсни. Казаки пріуныли. Они шли недѣлю и другую, и третью, все углубляясь въ необозримыя степи, перешли рѣку Илекъ и Эмбу и очутились въ глухой азіатчинѣ. Въ отрядѣ появились болѣзни, многіе замерзали. Такъ шли они цѣлый мѣсяцъ, приближаясь къ Хивѣ и Бухарѣ.

Казаки начали наконецъ роптать. Тяжело было Платову видѣть, какъ таетъ и уменьшается его отрядъ, какъ гибнутъ его дѣтушки, но воротиться онъ не могъ и ободрялъ казаковъ надеждою на успѣхъ. Но цѣль похода была страшно далека, а ужасы зимняго похода все увеличивались. Поднялся ропотъ и между офицерствомъ, были случаи открытаго не-

повиновенія. Стали всѣ просить своего атамана пожалѣть ихъ и вернуться назадъ. Онъ отказывалъ, просилъ подождать — чего именно, онъ и самъ не зналъ. Наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ настигъ казацкое войско гонецъ изъ Петербурга и объявилъ имъ о смерти Императора Павла, о восшествіи на престолъ Александра I, который повелѣвалъ казакамъ вернуться съ похода по домамъ.

Такъ окончился этотъ странный и безполезный походъ, погубившій много-много казацкихъ головушекъ. Платовъ вернулся на Донъ вмѣстѣ съ казаками. Вскорѣ умеръ войсковой атаманъ Орловъ, и на его мѣсто Высочайше былъ назначенъ походный атаманъ Платовъ; войсковымъ атаманомъ онъ оставался до конца своей жизни. Теперь могъ бы онъ отдохнуть отъ войны и походовъ на дорогой родинѣ, на тихомъ Дону, но время не позволяло. Въ казацкой жизни того времени накопилось много неурядицъ, нестроеній; умный атаманъ все это видѣлъ и задумалъ приступить къ реформамъ; но предварительно рѣшилъ повидать новаго Государя и испросить у него разрѣшенія на всѣ предполагаемыя реформы. Для этого онъ поѣхалъ въ Москву на коронацію Государя и тамъ получилъ отъ него разрѣшеніе на преобразованіе казацкой жизни. Вернувшись оттуда, онъ энергично принялся за дѣло. Прежде всего его занималъ вопросъ о столицѣ войска. Черкасскъ, въ которомъ находилось все войсковое управленіе, лежитъ на низкомъ берегу р. Дона и каждую весну подвергается наводненіямъ, превращаясь въ настоящую Венецію. Платовъ видѣлъ и зналъ, что это останавливаетъ развитіе казачьей столицы и разоряетъ жителей. Онъ задумалъ основать новый городъ на такомъ мѣстѣ, куда не достигло бы половодье. Какими соображеніями руководился донской атаманъ при выборѣ мѣста, но надо сказать, что выбрано оно неудачно. Городъ основали вдали отъ рѣки Дона, главной артеріи всего края, значитъ вдали отъ движенія и жизни. Такъ возникъ въ 1805 году Ново-Черкасскъ, теперешній областной городъ Донского войска, а прежній сталъ называться Старо-Черкасскомъ. Платовъ всѣми силами побуждалъ и поощрялъ жителей перебираться на новое мѣсто; но новый городъ долгое время при Платовѣ и послѣ него оставался крошечнымъ и состоялъ почти только изъ казенныхъ зданій. По распоряженію Платова въ Ново-Черкасскѣ были выстроены помѣщенія для войсковой канцеляріи и войсковой экспедиціи; были выстроены зданія гимназіи, больницы и аптека. При немъ же и его стараніями

былъ разведенъ аптекарскій садъ. Во внутреннемъ управленіи края онъ произвелъ слѣдующія преобразованія: отдѣлилъ отъ войсковой канцеляріи особое вѣдомство — воинскую экспедицію; спустя нѣкоторое время отдѣлилъ онъ отъ войсковой канцеляріи гражданскія и уголовныя дѣла въ особое учрежденіе. Едва издано было Императоромъ Александромъ I постановленіе о губернскихъ гимназіяхъ, Платовъ поспѣшилъ открыть въ Новочеркасскѣ гимназію для казачатъ, а въ главныхъ станицахъ войска были имъ открыты уѣздныя училища. Атаманъ поощрялъ также торговлю и заботился о путяхъ сообщенія. Напримѣръ, онъ много хлопоталъ о развитіи судоходства по р. Аксаю. Надо замѣтить,

Новочеркасскъ: Общій видъ города.

однако, что Платовъ производилъ всѣ преобразованія въ управленіи войска медленно и осторожно; онъ предпочиталъ даже, чтобы жизнь донцовъ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, текла по старинному, такъ, какъ жили отцы и дѣды. Случалось даже, что онъ преслѣдовалъ уклоненія отъ прадѣдовскихъ обычаевъ. Одинъ разъ, именно въ эту эпоху, пріѣхали изъ Петербурга въ Новочеркасскъ два молодыхъ офицера въ отставкѣ и появлялись въ обществѣ въ модныхъ тогда штатскихъ костюмахъ. Платовъ немедленно посадилъ ихъ подъ арестъ и обѣщалъ строго наказать ихъ, если они будутъ пренебрегать казацкой одеждою и станутъ носить иноземные костюмы.

III. Война съ французами.— Война съ турками (1807—1812).

Платову недолго пришлось заниматься внутренними дѣлами войска. Наступили войны съ французами въ Пруссіи и для русской арміи понадобилась легкая кавалерія донцовъ съ ея лихимъ атаманомъ. Государь предписалъ Платову выступить въ походъ съ донцами; но едва онъ прибылъ съ донскими полками до-границъ Имперіи, какъ получено было извѣстіе о мирѣ Австріи и Франціи. Такимъ образомъ въ первой кампаніи Платовъ не участвовалъ. Но скоро Наполеонъ I объявилъ войну Пруссіи и Россіи, и въ этой войнѣ Платовъ съ своими донцами впервые встрѣтился съ хорошо устроенными и обученными войсками образованныхъ государствъ. Здѣсь первый разъ Европа узнала атамана Платова. И онъ доказалъ, что можетъ управляться и съ регулярными войсками, какъ управлялся съ горцами Кавказа, съ турками, татарами и персами. Въ эту кампанію имя Платова прогремѣло по всей Европѣ. Французы начали его бояться!

Но въ первыхъ сраженіяхъ кампаніи онъ не участвовалъ, такъ какъ былъ боленъ и оставался въ Петербургѣ. При отправленіи его къ арміи Императрица Марія Ѳеодоровна, всегда питавшая къ нему расположеніе, благословила его на дорогу св. иконою и просила писать ей съ театра войны о походахъ и битвахъ. Приводимъ здѣсь одно письмо его (отъ мая 1807 г.).

„Въ прошедшіе мѣсяцы до сего времени шпиговали ихъ по вашему благословенію изрядно. Брали много въ плѣнъ, а сколько, я и счетъ имъ потерялъ... Гордость, а больше дерзость французовъ выбита изъ головы ихъ. Доведены они до изнуренія: кавалерія ихъ донскими казаками вся истреблена... Сидятъ они теперь противъ насъ, какъ мыши въ норахъ".

Только въ январѣ 1807 г. онъ выѣхалъ изъ столицы и чрезъ Кенигсбергъ прибылъ въ армію, которая расположилась подъ Прейсишь Эйлау. Начались стычки, сраженія, пре-

слѣдованія непріятеля, т. е. та родная стихія, въ которой Платовъ чувствовалъ себя какъ дома. Въ битвѣ при Прейсишь Эйлау казаки опрокинули колонну непріятеля и взяли въ плѣнъ 470 чел.

При движеніи къ Кенигсбергу Платовъ дѣйствовалъ чрезвычайно быстро, энергично и замѣчательно умѣлъ отгадывать намѣренія непріятеля. Ночью, охраняя армію, онъ держалъ цѣпь на пространствѣ нѣсколькихъ миль, и казаки, гдѣ только былъ непріятель, тревожили его безпрестанно, заставляли быть подъ ружьемъ и недопускали до фуражированія по селамъ. Чуть только зазѣвается какой-нибудь непріятельскій эскадронъ, точно изъ подъ земли налетаютъ на него казаки, опрокидываютъ его, мнутъ и разсѣеваютъ совершенно. Главнокомандующій, генералъ Беннигсенъ видѣлъ, какую пользу арміи приноситъ Платовъ со своими донцами, и вотъ какъ отвѣчаетъ на одно его донесеніе 15-го февраля въ Кюнгензѣ:

„Прибытіе вашего превосходительства въ армію есть истинная гибель нашихъ непріятелей; я не успѣваю благодарить васъ за хорошія извѣстія, которыя вы мнѣ сообщаете; продолжайте поражать общаго врага, заставьте его бодрствовать день и ночь о своемъ спасеніи и совсѣмъ тѣмъ не избѣгнуть гибели своей поисками вашими".

Такимъ образомъ, благодаря храбрости и дѣятельности кн. Багратіона и Платова корпусъ великаго герцога Бергскаго, посланный въ догонку за нашей арміей, былъ истребленъ почти совершенно. 5-го февр. 1808 г. Наполеонъ рѣшилъ отступить и оставилъ Эйлау. Его преслѣдовалъ атаманъ Платовъ со всѣми казачьими полками. Возвратившись въ Эйлау, Платовъ выгналъ оттуда непріятеля и, взявъ у него до тысячи плѣнныхъ, пошелъ далѣе. У Ландсберга онъ опять отбилъ значительную партію плѣнныхъ и больныхъ солдатъ, а кромѣ того 150 четвертей муки. Атаманъ приказалъ раздать эту муку больнымъ и раненымъ, велѣлъ собрать для нихъ мяса и вина, и все это оставилъ на попеченіе городскихъ бургомистровъ, а самъ пустился далѣе преслѣдовать непріятеля.

Въ февралѣ (15-го) къ Платову пришло съ Дона еще 5 свѣжихъ полковъ и, присоединивъ ихъ къ старымъ, онъ принудилъ маршала Нея оставить Гутштадтъ и, преслѣдуя непріятеля, истребилъ до 400 чел. и плѣнныхъ взялъ до 55 челов. Видя, съ какимъ искусствомъ Платовъ поражаетъ и преслѣдуетъ непріятеля, главнокомандующій усилилъ его корпусъ, присоединивъ къ нему еще 3 полка. Онъ прини-

малъ участіе въ цѣломъ рядѣ сраженій, напр. при Ваплицѣ, Малгѣ, подъ Гутштадтомъ и проч. Во все продолженіе войны до Тильзитскаго мира, Платовъ съ своими казаками дѣйствовалъ весьма искусно и пускалъ въ ходъ такіе хитрые уловки и извороты, на которые попадались даже геніальный Наполеонъ и его маршалы. Напримѣръ, онъ часто устраивалъ мнимую переправу черезъ рѣку и привлекалъ этимъ непріятеля; или устраивалъ засады, или наконецъ, чтобы испугать непріятеля, разводилъ костры на окрестныхъ высотахъ, заставляя думать, что здѣсь стоитъ не только малый казачій отрядъ, но и цѣлая армія. За всѣ походы этой войны казаками было взято: 9 штабъ-офицеровъ, 130 оберъ-офицеровъ и болѣе 4 тысячъ нижнихъ чиновъ. Въ донскихъ полкахъ убито всего 194 человѣка. Въ этой войнѣ за Платовымъ утвердилась слава великаго полководца. О немъ всюду заговорили въ Европѣ. Одно имя его наводило страхъ на непріятельскія войска. Днемъ леталъ онъ вихремъ и поражалъ врага, а ночью не давалъ ему отдыха, заставляя каждую минуту быть на сторожѣ. Летучіе отряды донцовъ, посылаемые Платовымъ во всѣхъ направленіяхъ и съ чрезвычайной предусмотрительностью, на каждомъ шагу тревожили непріятеля и мѣшали ему снабжать себя нужнымъ продовольствіемъ. Едва непріятель замышлялъ что-либо, какъ донцы, быстрые и искусные, летятъ уже по одному мановенію своего атамана, окружаютъ, давятъ, тѣснятъ и преслѣдуютъ его. Государь Александръ I вполнѣ понималъ, какую пользу приносилъ нашей арміи Платовъ со своими донцами, и наградилъ атамана орденомъ св. Александра Невскаго вмѣстѣ съ алмазными знаками, а также пожаловалъ табакерку съ собственнымъ портретомъ (цѣною около 30 т. рублей).

Король прусскій и королева весьма цѣнили Платова и часто приглашали его къ своему столу, даже вмѣстѣ съ его сыновьями, служившими съ отцомъ. И такое дружеское и милостивое вниманіе къ донскому атаману осталось до его смерти. Онъ получилъ отъ него орденъ краснаго и чернаго орла и табакерку. А насколько цѣнилъ прусскій король казаковъ, видно изъ того, что онъ велѣлъ составить изъ своей легкой кавалеріи нѣсколько полковъ на манеръ донскихъ казаковъ, въ такой же одеждѣ и такъ же вооруженныхъ.

По заключеніи Тильзитскаго мира Наполеонъ при свиданіи Наполеона съ имп. Александромъ выразилъ, между прочимъ, желаніе наградить лучшихъ генераловъ нашей арміи французъ-

скими орденами. Сообщили объ этомъ и Платову. Но атаманъ отказался отъ французскаго ордена. „За что ему меня награждать? Вѣдь я ему не служилъ и служить не могу никогда". Платовъ былъ хитеръ и зналъ, какъ опасно возбуждать подозрѣніе государя: его легко могли обвинять въ измѣнѣ. Поэтому послѣ своего заточенія онъ всюду старается подчеркнуть свою преданность русскому царю. Современники завидовали привиллегированному положенію донского атамана, и онъ боялся снова подвергнуться клеветѣ.

Наполеону Платовъ такъ досаждалъ своими казаками, что онъ его очень не любилъ, и когда представлялись ему русскіе генералы, онъ не удостоилъ Платова ни однимъ словомъ, а только бросилъ на него быстрый взглядъ и поспѣшно прошелъ мимо него.

Послѣ разлуки государей, Платовъ Высочайшею волею былъ вызванъ въ Петербургъ. Тамъ донцамъ за ихъ подвиги въ войнѣ съ французами имп. Александръ выразилъ свою благодарность въ Высойчашей грамотѣ. Когда депутація отъ всего войска Донского, съ генералъ-майоромъ графомъ Орловымъ-Денисовымъ во главѣ, благодарила государя за грамоту, Платовъ испросилъ у государя новую милость, что бы кто нибудь изъ природныхъ донцовъ состоялъ при особѣ государя, и указалъ на графа Орлова-Денисова, какъ на достойнѣйшаго. Просьба его была уважена.

Какъ ни велико было желаніе Платова отдохнуть дома и заняться внутренними дѣлами войска, но это ему не удалось, такъ какъ вскорѣ послѣ войны съ французами, его отправили противъ турокъ. Все же онъ успѣлъ побывать на Дону, взглянулъ на общественныя и частныя дѣла, порадовалъ своихъ соотечественниковъ и свое семейство пріобрѣтенными имъ лаврами и, недолго погостивши, отправился къ молдавской арміи. Главнокомандующимъ надъ нею былъ въ то время князь Прозоровскій, девяностолѣтній старикъ, уже почти неспособный вести дѣло. Тѣмъ необходимѣе былъ ему такой опытный и боевой генералъ, какъ Платовъ, и онъ сдѣлалъ его своимъ сотрудникомъ и другомъ. Однако Прозоровской скоро умеръ, и главнокомандующимъ былъ назначенъ знаменитый князь Багратіонъ, покровитель Платова, который получилъ въ командованіе цѣлый корпусъ.

Донцы и въ этой войнѣ отличились, и Платовъ награжденъ чиномъ генерала отъ кавалеріи и орденомъ св. Георгія 2 ст. большого креста и св. Владиміра 1 степени. Но чрезмѣрные труды, нездоровый климатъ ослабили его здоровье

и онъ былъ опасно боленъ въ концѣ 1809 и особенно въ началѣ 1810 года. Думали даже, что у него разовьется чахотка. Узнавъ объ этомъ, государь далъ ему отпускъ и разрѣшилъ пожить на Дону до возстановленія силъ и лишь потомъ возвратиться въ Петербургъ, куда требовали его неотложныя дѣла.

Пробывъ на Дону всего только три мѣсяца и почувствовавъ облегченіе, Платовъ вернулся въ столицу, гдѣ продолжалъ пользоваться милостью двора и публики. Тамъ его окончательно вылечилъ лейбъ-медикъ Виллié. Король прусскій, оказывается, не забывалъ Платова и въ знакъ своей дружбы прислалъ ему дорогой столовый сервизъ изъ фарфора, съ королевскими гербами и изображеніями битвъ, гдѣ особенно отличился Платовъ. Платовъ поэтому поводу устроилъ настоящій праздникъ, на которомъ присутствовали всѣ знатнѣйшія особы и вельможи столицы. Въ это время ему было уже 60 лѣтъ и онъ достигъ славы и извѣстности не только въ Россіи, но и заграницею. Всюду о немъ говорили. Державинъ и Жуковскій писали въ честь его стихотворенія.

IV. Отечественная война.

Всколыхнулся взволновался
Православный Тихій Донъ
И послушно отозвался
На призывъ монарха онъ.
Онъ дѣтей своихъ сзываетъ
На крававый бранный пиръ...

Донской народный гимнъ.

Но еще большая слава ожидала его впереди: наступилъ роковой 12-й годъ, когда Платовъ поднялъ весь Донъ отъ мала до велика — на спасеніе Россіи и покрылъ себя неувядаемой славой. Не даромъ его не любилъ Наполеонъ: именно онъ со своими донцами погубилъ великую армію.

Когда Наполеонъ съ великою арміей вошелъ въ предѣлы Россіи, первые встрѣтили его донцы. При открытіи военныхъ дѣйствій находилось 50 донскихъ полковъ, т. е. до 36 т. человѣкъ вмѣстѣ съ артиллеріей. Летучій карпусъ Платова состоялъ изъ 14 казачьихъ полковъ, извѣстнаго числа егерей и драгунъ; прочіе казацкіе полки были разбиты по корпусамъ. Русская армія дѣлилась въ это время на двѣ части:

одна подъ начальствомъ Барклая де Толли, другая подъ командою Багратіона. Платову поручили прикрывать своими казаками движеніе второй арміи, князя Багратіона, его товарища и сослуживца по турецкой войнѣ. Въ авангардѣ короля Іеронима, брата Наполеона, двигались три полка уланъ отъ Новогрудка къ селу Кареличи (Минской губ.), а тамъ стоялъ Платовъ. Поляки, не зная казачьихъ снаровокъ, шли безпечно; по обѣ стороны раскинулся кустарникъ, между которымъ торчали тощія деревья. Вдругъ, одновременно на обоихъ флангахъ, появились казаки—полки Иловайскаго 5-го и Карпова 2-го. Они сбили уланъ, многихъ перекололи, остальныхъ прогнали къ Новогрудку, гдѣ находилась квартира короля. Эта первая схватка подняла казачій духъ. На другой день Платовъ устроилъ врагу засаду. Сотня донцовъ должна была прикрывать путь, а по сторонамъ дороги засѣли отборные казаки. Польскіе уланы, подъ начальствомъ генерала Турно, пустились въ погоню за передней сотней, причемъ конечно растянулись, частію разсыпались и въ эту минуту очутились среди вытянутыхъ пикъ. Болѣе 200 человѣкъ попало въ плѣнъ, самъ Турно едва ускакалъ; за нимъ гнались около 15 верстъ.

Такъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца казаки прикрывали опасное движеніе второй арміи, между двухъ французскихъ корпусовъ, маршала Даву и короля Іеронима. Багратіонъ же подъ защитой донцовъ, наконецъ дошелъ до Бобруйска. Здѣсь атаманъ Платовъ получилъ приказаніе, послѣ переправы черезъ Днѣпръ, идти на соединеніе съ первой арміей. Но онъ еще разъ услужилъ Багратіону. Переправившись черезъ Днѣпръ, атаманъ и донцы снова повернули назадъ и малыми отрядами одновременно появились въ разныхъ мѣстахъ—подъ Могилевомъ, въ Шкловѣ, Копысѣ, подъ Оршей. Подобно огню охватили донцы огромное пространство, примѣрно на 100 верстъ, причемъ обыскали всѣ деревушки, появились на всѣхъ дорогахъ, истребляли фуражировъ, мародеровъ и все то, что было ими собрано. Вся эта сумятица въ тылу французской арміи продолжалась нѣсколько дней; маршалъ Даву рѣшительно потерялъ голову: этотъ смѣлый набѣгъ сбилъ его съ толку; онъ недоумѣвалъ, гдѣ же наконецъ русскіе? Такъ выручали казаки, и благодаря ихъ прикрытію обѣ арміи, наконецъ соединились подъ Смоленскомъ.

Наступили несчастные дни подъ Бородинымъ. Русской арміи пришлось отступать за Москву и отдать ее врагамъ.

Есть преданіе, что главнокомандующій князь Кутузовъ, обвинялъ Платова въ несчастномъ исходѣ битвы при Бородино. У донского атамана было много завистниковъ, не могшихъ выносить его европейской славы. Такое недоброжелательство сквозитъ напр. въ запискахъ извѣстнаго поэта-партизана Д. Давыдова. Не мудрено поэтому, что возникла сплетня: увѣряли, что въ день Бородинской битвы, атаманъ Платовъ былъ пьянъ и не могъ двинуть во-время донцовъ туда, гдѣ это было нужно и гдѣ они рѣшили бы побѣду. Передаютъ далѣе, что Кутузовъ даже упрекалъ Платова неспособностью служить по старости лѣтъ. Если это правда, то горько было атаману слышать подобныя слова и именно послѣ Бородина онъ доказалъ, что не взирая на года, онъ еще юнъ и можетъ послужить за царя, за матушку Русь. Немедленно послѣ Бородинской битвы отправилъ онъ на Донъ гонцовъ съ приказаніемъ собираться въ походъ всѣмъ, кто въ силахъ. По его могучему слову ополчился весь тихій Донъ, все войско Донское. Какъ во времена „всеобщаго сполоха", донцы оповѣщали населеніе станицъ и хуторовъ, что врагъ пришелъ въ несмѣтномъ числѣ, что онъ похваляется пройти до береговъ завѣтнаго Дона, искоренить казачество. „Вставайте! атаманъ призываетъ всѣхъ вѣрныхъ донцовъ встать на защиту царя и отечества!" И вотъ, безъ царскаго слова, лишь по призыву атамана, старые и малые, бѣдные и богатые, спѣшили вооружиться и снарядиться въ походъ. Сѣдые казаки, сподвижники Румянцева, Суворовскіе богатыри, давно проживавшіе на покоѣ среди поколѣнія внучатъ, грѣя свои старыя кости на печкѣ, и тѣ снимали со стѣнъ запылившееся оружіе, вооружались и садились на коней. Весь Донъ пришелъ въ движеніе: встали и вооружились всѣ, кто могъ носить оружіе, кто могъ еще держать въ рукахъ казацкую пику. Малолѣтки по 14—15 лѣтъ и сѣдые ветхіе старики прадѣды— всѣ вступили по зову своего любимаго батьки-атамана, который издалека звалъ ихъ къ себѣ. 26 полковъ съ шестью орудіями выступили разными путями на Москву. Ихъ вели генералы Иловайскій 3-й, Грековы 1-й и 2-й. Они дѣлали по 60 верстъ въ сутки, чего не могла сдѣлать ни одна конница въ мірѣ. За два дня до Покрова въ лагерь подъ Тарутинымъ пришли 5 первыхъ полковъ. Ихъ никто не ожидалъ, кромѣ Платова; никто не зналъ, что казачество поднимается отъ мало до велика. Главнокомандующій, князь Кутузовъ, заплакалъ отъ радости и, если вѣрно преданіе, приведенное выше, то онъ вполнѣ примирился съ Платовымъ.

Атаманъ Платовъ ведетъ своихъ Донцовъ.

Донцы, не смотря на дальній и спѣшный походъ, явились въ лучшемъ видѣ—сами молодцами, лошадки сытыя, добрыя. Старики шутили: „Пришли внучатъ выручать; сказывали на Дону, что они не справятся съ французами".—И въ самомъ дѣлѣ, въ донскихъ полкахъ доводилось внуку встрѣчаться съ дѣдомъ.

Донцы пришли какъ разъ въ пору. Наполеонъ со своей арміей собирался выступить изъ Москвы, и съ этого момента начинается геніальная дѣятельность Платова и его неутомимыхъ донцовъ. Они вмѣстѣ съ партизанами и вооруженными крестьянами окружили французскую армію и держали ее какъ въ западнѣ. Каждый французскій солдатъ долженъ былъ помышлять самъ о себѣ; за кусокъ хлѣба, за клочекъ сѣна люди платили жизнью. Частыя схватки ослабляли армію, а безкормица лишала ее лошадей. Платовъ былъ неутомимъ и рѣшительно неистощимъ на изобрѣтеніе всякихъ хитрыхъ уловокъ, губившихъ непріятеля. Разскажемъ здѣсь о нѣсколькихъ дѣлахъ и стычкахъ, въ которыхъ Платовъ лично водилъ своихъ донцовъ.

Послѣ Малоярославскаго сраженія Платовъ узналъ, что на другой сторонѣ рѣки Лужи находится непріятельскій транспортъ изъ 40 пушекъ, подъ прикрытіемъ значительнаго числа кавалеріи и пѣхоты. Тогда онъ немедленно переправился черезъ рѣку почти на глазахъ самаго непріятеля, напалъ на транспортъ разбилъ его, захватилъ 11 пушекъ и вернулся обратно, переправившись черезъ рѣку вмѣстѣ съ пушками (это было 13 октября) Въ это же время онъ паразилъ врага при Медынѣ.

Усиленный двумя полками пѣхоты, Платовъ получилъ приказаніе слѣдовать съ правой стороны непріятельской арміи, опережать французскія колонны и нападать на ихъ головы. Графъ Орловъ Денисовъ долженъ былъ дѣлать тоже самое, только съ лѣвой стороны. Съ удивленіемъ французы увидѣли, что они окружены казаками, которые ни минуты не давали имъ покоя и держали ихъ какъ въ тискахъ. Вице король, надѣясь избавиться отъ казаковъ, достигнувъ Дорогобужа, повернулъ въ право, думая пробраться въ Витебскъ черезъ Духовщину. Но 26 октяаря у Дорогобужа Платовъ ударилъ на корпусъ вице-короля и разрѣзалъ его на двѣ части: одна успѣла уйти къ Духовщинѣ, а другая въ безпорядкѣ разсѣялась, покинувъ 64 пушки. Но и та, которая направилась къ Духовщинѣ, почти вся погибла отъ холода, голода, а болѣе всего отъ казацкихъ пикъ и пушекъ. Несчастный вице-

король явился въ Смоленскъ къ императору безъ кавалеріи, безъ обоза, лишь съ 12 пушками. Вообще съ 28 октября по 3 ноября Платовъ, постоянно преслѣдуя и изнуряя его, отнялъ у французовъ 23 пушки, 2 знамени, 2 штандарта и 1675 чел. плѣнныхъ. За всѣ эти подвиги онъ возведенъ былъ въ графское достоинство.

Отъ Смоленска непріятельскій корпусъ подъ начальствомъ Нея пошелъ на Оршу и наткнулся на отрядъ Платова, у котораго было 15 полковъ, донская артиллерія и одинъ егерскій полкъ. Атаманъ устроилъ настоящую травлю: французы были разсѣяны, и самъ маршалъ Ней явился въ Оршу одинъ, пѣшкомъ, въ видѣ богомольца, въ посохомъ въ рукѣ, въ изорванныхъ сапогахъ, три дня не ѣвши.

На Ковенской дорогѣ Платовъ опять окружилъ непріятельскій арріергардъ: множество французовъ было взято въ плѣнъ и досталась богатая добыча. Отъ Вильно до Ковно Платовъ съ одной конницей, при 15 пушкахъ, уложенныхъ въ сани, гналъ несчастный арріергардъ, какъ одурѣлыхъ овецъ, которыя ни о чемъ больше не думали, какъ бы спастись. Такъ преслѣдуя арріергардъ маршала Нея, Платовъ вогналъ его въ Ковно, причемъ отбили въ послѣдній разъ на своей землѣ 4 пушки и 1300 плѣнныхъ. Непріятель покинулъ Ковно и вышелъ изъ предѣловъ Россіи. Вся почти его армія была истреблена, Изъ 400 тыс. перешедшихъ въ Ковно нашу границу 12 іюня 1812 года, вернулось черезъ нее же обратно: 400 солдатъ старой гвардіи, 600 кавалеристовъ, 9 пушекъ и безоружная толпа, примѣрно въ 20 тыс. человѣкъ. Покидая Россію, Наполеонъ опубликовалъ, что всѣ его колонны „были окружены казаками; подобно аравитянамъ, въ пустынѣ, они охватывали его обозы“. Казаками же руководилъ и вдохновлялъ ихъ конечно, атаманъ Платовъ.

Звонъ колоколовъ ковенскихъ церквей и пушечная пальба торжественно возвѣстили радостное событіе. На городской площади, въ присутствіи горожанъ и окрестныхъ поселянъ, Платовъ, его вѣрные донцы и сподвижники драгуны, преклонивъ колѣна, горячо молились и благодарили Господа за избавленіе отечества. Но дѣло было далеко еще незакончено: предстояло еще идти заграницу, чтобы поразить и усмирить врага въ его собственной землѣ.

V. Заграничные походы (1812—1814).

Когда русскія войска перешли границу и вступили въ Ланденбургъ, радость жителей была безмѣрна. 8 января прибылъ туда и Платовъ. Предъ домомъ, гдѣ была приготовлена ему квартира, собрались всѣ почтенныя лица города, чтобы видѣть казацкаго атамана, истребителя французской арміи.

По изгнаніи непріятеля изъ земли русской, атаманъ Платовъ издалъ приказъ Донскому войску, въ которомъ говоритъ въ концѣ слѣдующее:

„Мы должны по всей справедливости доказать предъ всѣми наше усердіе къ Богу, и въ знакъ признательности къ Творцу всей вселенной обязаны собрать перехваченное отъ французовъ серебро нашихъ церквей, ограбленныхъ безчеловѣчнымъ врагомъ, и сооружить въ С.-Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ лики 4-хъ евангелистовъ".

По слову атамана въ короткое время было собрано около 60 пуд. серебра, которое Платовъ и отослалъ въ Петербургъ. Платовъ заключилъ съ прусскимъ генераломъ Бюловымъ условіе о свободномъ пропускѣ русскихъ войскъ въ Западную Пруссію.

Кутузовъ называлъ Платова истребителемъ французскаго разбойническаго войска. Одинъ разъ онъ такъ пишетъ ему:

„Паденіе славныхъ укрѣпленныхъ городовъ: Эльбинга, Маріенбурга, Маріенвердера и Дершау я совершенно приписываю мужеству и рѣшительности вашего Сіятельства и предводительствуемаго вами храбраго войска. Полетъ преслѣдованія вашего ни съ какою быстротою сравниться не можетъ. Вѣчная слава неустрашимымъ донцамъ".

Платовъ осаждалъ г. Данцигъ, но когда Пруссія поднялась на французовъ и заключила съ Россіей союзъ, его отозвали въ Калишъ, гдѣ онъ и находился при особѣ государя. Когда прусскій король задумалъ навѣстить нашего государя въ Калишѣ, то Платовъ былъ высланъ ему на встрѣчу и

здѣсь еще разъ убѣдился въ расположеніи къ нему короля. Узнавъ, что на границѣ дожидается его графъ, король приказалъ поспѣшить и когда увидѣлъ его, то вышелъ изъ коляски, бросился его обнимать и засыпалъ его вопросами объ его здоровьѣ. Приэтомъ благодарилъ его за избавленіе Пруссіи отъ врага. Платовъ во все пребываніе короля въ Калишѣ находился при немъ неотлучно и провожалъ его до границы.

Изъ Калиша Платовъ отправился вмѣстѣ съ государемъ въ Дрезденъ и здѣсь получилъ отъ него всемилостивѣйшую грамоту на имя войска Донского—благодарность за важныя заслуги, оказанныя донцами въ отечественной войнѣ.

16 октября 1813 г. Платовъ одержалъ большую побѣду при Альтенбургѣ, за что получилъ высочайшую благодарность.

7 октября Платовъ получилъ высочайшій приказъ какъ можно скорѣе идти на защиту Веймара которому угрожали французы. 10 октября онъ былъ уже тамъ и отстоялъ гор. Веймаръ, родину вел. княгини Маріи Павловны, покровительницы Платова.

За Лейпцигское дѣло онъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго.

Разбитая подъ Лейпцигомъ французская армія потянулась на западъ, къ границамъ Франціи. Платовъ съ своими донцами жестоко преслѣдовалъ непріятеля, то заскакивая спереди, то настигая сзади. Недалеко отъ Франкфурта онъ отрядилъ Орлова Денисова, Чернышева, Иловайскаго и Кайсарова и при ихъ помощи разнесъ весь арріергардъ, взявши до 4 т. плѣнныхъ. За это государь пожаловалъ ему брилліантовое перо на шапку.

За Рейномъ въ распоряженіи Платова было 10 полковъ, съ которыми онъ шелъ впереди главной арміи, до соединенія ея съ Блюхеромъ. Вступивъ во Францію, Платовъ осадилъ городъ Намюръ и взялъ его штурмомъ. Отсюда онъ устремился къ Фонтенебло, съ намѣреніемъ освободить римскаго папу, который находился тамъ въ заточеніи; но не нашелъ его тамъ, такъ какъ папу увезли въ другой городъ. Все время пребыванія русскихъ войскъ въ Парижѣ Платовъ находился въ свитѣ государя. Съ нимъ же онъ ѣздилъ и въ Лондонъ. Имя атамана Платова было извѣстно повсюду, и англичане считали его виновникомъ неудачъ Наполена въ Россіи. Ненавидя послѣдняго, они выказали Платову чрезвычайные знаки вниманія.

Все время, когда онъ былъ въ Лондонѣ, толпы зрителей

ходили за нимъ. Почтенныя дамы и дѣвицы посѣщали его и украшали свои медальоны его портретомъ. Отъ самаго Дувра до Лондона на всемъ пути не имѣлъ онъ покоя. Въ Лондонѣ отведена была ему роскошная квартира въ домѣ одного герцога. Принцъ регентъ особенно благоволилъ къ нему и немедленно велѣлъ лучшему художнику срисовать его портретъ.

Всѣ усилія Платова пройти куда нибудь инкогнито, остаться гдѣ-либо незамѣченнымъ, оставались безуспѣшны: его всюду узнавали, и огромная толпа шлазанимъ, крича: „ура! ура! Платовъ!“ На скачкахъ въ Аскоти (около Лондона) появленіе Платова произвело бурю восторга. Всякій стремился приблизиться къ нему, коснуться его и если можно пожать ему руку. Часто 5 человѣкъ держали его за пальцы руки и передавали по очереди своимъ знакомымъ!

Весьма хорошо одѣтыя дамы отрѣзывали по волоску изъ хвоста коня, на которомъ сидѣлъ Платовъ и тщательно завертывали въ бумажку точно святыню какую. Его всюду окружали почетомъ и вниманіемъ.

Однажды Платовъ спросилъ своего хозяина, гдѣ онъ жилъ, не укажетъ ли онъ на магазинъ, гдѣ можно купить самые лучшіе часы англійской работы, и на другой день къ его изумленію принцъ-регентъ прислалъ ему въ подарокъ прекраснѣйшіе часы съ своимъ гербомъ. Зная, что принцъ очень интересуется его боевымъ конемъ, на которомъ онъ совершалъ всѣ свои походы, П. подарилъ ему своего вѣрнаго спутника. При разставаніи съ Платовымъ, регентъ подарилъ ему свой портретъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, для ношенія на груди на лентѣ ордена Голубой подвязки (высшаго ордена). На задней сторонѣ было написано: Атаману генералу графу Платову, въ знакъ почтенія и удивленія къ безсмертнымъ подвигамъ, подвигамъ для пользы отечества своего и для спасенія Европы 1814 г.“ Біографъ Платова утверждаетъ, что онъ болѣе всѣхъ гордился этимъ украшеніемъ и говаривалъ впослѣдствіи, уже на Дону, что время, проведенное имъ въ Лондонѣ, онъ считаетъ счастливѣйшимъ въ своей жизни. По отъѣздѣ Государя онъ еще нѣсколько времени оставался въ Лондонѣ и потомъ возвратился въ главную квартиру главнокомандующаго Баркля-де-Толли, то есть въ Варшаву. Здѣсь онъ отпустилъ большую часть донскихъ полковъ по домамъ на отдыхъ и самъ сталъ проситься у государя отпустить его въ Петербургъ. Но въ это время Наполеонъ покинулъ островъ Эльбу, гдѣ былъ заточенъ, и опять признанъ былъ французами. Предстояла опять война,

и Платовъ вмѣсто отпуска получаетъ Высочайшій рескриптъ съ приказаніемъ послать къ русской границѣ 10 казачьихъ полковъ, а самому слѣдовать за арміей фельдмаршала. Бѣдные донцы, едва прибывъ на Донъ, должны были опять снарядиться въ дальній походъ, по призыву своего атамана. Война, впрочемъ, длилась недолго, и скоро войска наши вмѣстѣ съ государемъ вступили въ Парижъ. Здѣсь Государь вручилъ атаману Платову знамя и георгіевскій бунчукъ, предназначенные для атаманскаго полка за его мужество и храбрость. Платовъ послалъ знамя и бунчукъ на Донъ, куда уже были отпущены атаманцы. Вернувшись вмѣстѣ съ Государемъ въ Петербургъ, Платовъ пробылъ въ немъ 8 мѣсяцевъ; онъ могъ наконецъ отдохнуть и заняться внутренними дѣлами войска. Для этого ему надо было вернуться на Донъ и вотъ, испросивъ у Государя разрѣшеніе, онъ сталъ собираться домой. Еще до отъѣзда получилъ онъ новое доказательство вниманія и дружбы къ нему англичанъ. Послѣдніе прислали ему золотую саблю съ гербомъ Великобританіи, вензелями атамана и съ приличными надписями. Такія же сабли получили фельдмаршалы: кн. Шварцбергъ, кн. Блюхеръ и кн. Барклай де Толли. На саблѣ была слѣдующая надпись: *„Общее собраніе думы города Лондона въ засѣданіи, происходившемъ въ среду 8 іюля 1814 года, опредѣлило поднесть саблю сію Атаману графу Платову въ ознаменованіе живѣйшихъ чувствованій, коими ея дума одушевлена къ глубокимъ познаніямъ его, блистательнымъ дарованіямъ, высокости духа и непоколебимому мужеству, оказаннымъ въ продолженіе долговременной брани, предпринятой для утвержденія міра, тишины и благоденствія Европы“.* [1])

Офицеры лейбъ-гвардіи полка устраивали два праздника въ честь своего атамана. Трогательно было видѣть его посреди своихъ донцовъ: какъ отецъ и дядя онъ зналъ и называлъ всѣхъ до одного по имени и отчеству, зналъ всю ихъ родню и всю службу, такъ какъ они всѣ служили съ нимъ во многихъ походахъ. Память у него была изумительна. Наконецъ, въ августѣ государь отпустилъ его; на прощаніе онъ въ обращенномъ на его ими манифестѣ перечисляетъ опять всѣ заслуги донцовъ и самого атамана, благодаритъ ихъ и даетъ обѣщаніе въ скоромъ времени навѣстить тихій Донъ. Въ Москвѣ атаманъ въ послѣдній разъ распрощался съ дворомъ, болѣе ему не было суждено увидать ни двора, ни столицы.

---

[1]) Эта сабля хранится въ числѣ многочисленныхъ регалій Донского войска — въ присутствіи Областного Войска Донского Правленія, въ Новочеркасскѣ.

VI. Возвращеніе на Донъ и послѣдніе годы (1815—1818). Характерныя черты личности Платова.

Лишь только донцы узнали о возвращеніи своего атамана, они приготовили ему торжественную встрѣчу, которая надолго осталась въ памяти потомства.

На границѣ войсковыхъ земель депутаты поднесли ему хлѣбъ-соль и первые же присоединились къ его поѣзду, который ежедневно увеличивался новыми толпами казаковъ, стекавшихся съ разныхъ сторонъ. На Кундрючьѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ ждали атамана по нѣскольку дней. Тутъ были древніе старики съ правнуками, малолѣтки и старые сподвижники атамана, увѣшанные крестами, украшенные сѣдиной и сабельными рубцами; все это пристраивалось сзади: кто гарцуя на конѣ, кто ѣхалъ повозкой, иные и съ палочкой, смотря по достаткамъ. Недалеко отъ Черкасска атаманъ слѣзъ съ коня и поднялся на курганъ, откуда открывались, какъ на ладони, ярко горѣвшіе на солнцѣ золотые кресты, зеленые, усѣянные звѣздами купола и колокольни церквей. Обратившись къ нимъ лицомъ, атаманъ сдѣлалъ три земныхъ поклона и сказалъ во всеуслышаніе: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ. Послужилъ я царю, пострaнствовалъ на чужбинѣ довольно; теперь возвратился на родину и молю Бога, да успокоитъ Онъ кости мои на землѣ предковъ моихъ“. При этихъ словахъ атаманъ крѣпко поцѣловалъ горсть захваченной земли. „Здравствуй, нашъ атаманъ, на многія лѣта!“ отвѣтили хоромъ казаки, поклонившись ему въ поясъ. У самой горы, на которой стоитъ Новочеркасскъ, Платова встрѣтили всѣ офицеры Донского войска, генералы и наказной атаманъ Иловайскій. Тутъ же подскакалъ къ атаману его родной внукъ, мальчикъ десяти лѣтъ, и картина встрѣчи маститаго дѣдушки съ юнымъ внукомъ тронула всѣхъ присутствующихъ. Въ ту же минуту зазвонили колокола, выпалили пушки и послышалось громовое, перекатное „ура“: донскіе полки, вытянувшись по обѣ стороны, стояли вплоть до собора. Здѣсь на паперти ожидало духовенство; тутъ же были разставлены войсковыя знамена и регаліи—славные памятники доблестныхъ заслугъ. Послѣ малебна старшины проводили атамана въ помѣщеніе наказнаго атамана, гдѣ пиршество продолжалось до глубокой ночи. По стародавнимъ обычаямъ чествовалъ Донъ своего атамана. По всѣмъ станицамъ были разосланы копіи

съ высочайшей грамоты, перечисляющей заслуги войска, а женамъ казаковъ особымъ циркуляромъ выражалась благодарность атамана за ихъ дѣятельность и хорошее поведеніе въ отсутствіе мужей, когда имъ однимъ приходилось вести хозяйство.

Только теперь наконецъ графъ Платовъ окончательно водворился на Дону; за 17 лѣтъ управленія войскомъ онъ почти все время отсутствовалъ и едва ли пробылъ на Дону болѣе трехъ лѣтъ, и то урывками, въ разное время. Теперь онъ хотѣлъ заняться внутреннимъ устройствомъ своего войска. Многое нуждалось въ измѣненіи и въ исправленіи. Прежде всего атаманъ ясно видѣлъ, что поголовное отсутствіе казаковъ въ походы 1812—1814 годовъ разорило ихъ хозяйства, и Платову хотѣлось поднять благосостояніе казаковъ. Затѣмъ, въ его отсутствіе по станицамъ войска вкралось множество злоупотребленій въ управленіи и дѣлопроизводствѣ. Атаманъ хотѣлъ объѣхать всю область. Но ему было уже 64 года; безпрестанные походы и тревоги военной жизни наконецъ утомили старика и подорвали его здоровье. Къ этому надо прибавить, что атаманъ былъ превосходный вояка и несравненный вождь своихъ донцовъ, но къ спокойной дѣятельности и къ письменнымъ занятіямъ чувствовалъ отвращеніе. Онъ сознавался, что ему легче выиграть два сраженія, нежели заниматься канцелярскими дѣлами, отъ которыхъ у него, по его собственнымъ словамъ, дѣлался „вертешъ въ головѣ“. Когда еще онъ былъ помоложе, онъ преодолѣвалъ свое природное нерасположеніе къ этого рода дѣятельности и работалъ исправно. Теперь было не то, да и смерть была не за горами, такъ какъ по возвращеніи съ походовъ онъ прожилъ не болѣе трехъ лѣтъ. Послѣдній годъ здоровье замѣтно начало измѣнять ему, но на просьбы и совѣты родныхъ и друзей—взять отпускъ и отдохнуть онъ не соглашался. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Платовъ принималъ въ Новочеркаскѣ великаго квязя Михаила Павловича. Это было послѣднимъ праздникомъ для него. Къ концу 1817 года онъ испросилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Москву къ Государю посовѣтоваться относительно нѣкоторыхъ необходимыхъ реформъ въ управленіи войска и сталъ собираться въ путь, желая попасть въ Москву къ 12 декабря на торжество тезоименитства Государя. Но передъ отъѣздомъ онъ отправился въ свою деревню, находившуюся недалеко отъ Таганрога. По дорогѣ онъ простудился, слегъ въ постель. А 3 января 1818 года его не стало. Тѣло перевезли въ его

загородный домъ въ Мишкинѣ (на рѣчкѣ Аксаѣ), а затѣмъ пышно и торжественно похоронили недалеко отъ собора, о построеніи котораго такъ много пекся покойный атаманъ. Благодарные потомки воздвигли ему памятникъ, а улицу, лежащую около памятника, назвали „Платовскимъ проспектомъ“.

Для полной обрисовки личности атамана Платова слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о его характерѣ. Онъ былъ очень вспыльчивъ, но умѣлъ сдерживаться, и скоро успокоивался. Къ людскимъ слабостямъ онъ относился снисходительно и никогда не забывалъ своихъ друзей. На верху славы и почета, любимецъ двора, онъ не забывалъ своихъ

Памятникъ Платову въ Новочеркасскѣ.

друзей, далеко не такъ счастливыхъ, какъ онъ. Очень искусно умѣлъ обращаться съ людьми и могъ всякаго очаровать и расположить къ себѣ. Онъ былъ также хитеръ, изворотливъ и отличный дипломатъ. Съ простыми казаками онъ умѣлъ обращаться просто и всегда былъ ласковъ. Горцы Кавказа и калмыки, живущіе въ Донской области, были очень преданы ему. Ихъ расположеніе онъ привлекъ еще и тѣмъ, что никогда не отказывался отъ угощенія: ѣлъ ихъ пищу и пилъ ихъ напитки. Атаманъ любилъ разсказывать и разсказывалъ иногда слишкомъ длинно. Онъ часто разсказывалъ о прошедшихъ подвигахъ Донского войска, и чѣмъ великъ и грозенъ былъ донской казакъ. Любилъ онъ также разска-

зывать событія и анекдоты изъ военной жизни, и его разсказы производили впечатлѣніе. Любимая фраза его была: „я вамъ скажу"; онъ обильно уснащалъ ею свои разсказы и разговоры. Рѣчь у него была очень своеобразна, на казацкій ладъ, но говорилъ онъ весьма убѣдительно и энергично. Вмѣсто Варшава онъ говорилъ „Аршава", вмѣсто квартирмейстеръ—„планщикъ", вмѣсто преслѣдовать—„шпиговать"; вмѣсто поискать—„пошарить" и т. д. Или вотъ еще образчикъ его манеры выражаться. Получивъ отъ генерала Ермолова какую-то бумагу, обидную для него, атаманъ не зналъ, что дѣлать. Правитель дѣлъ его канцеляріи, Смирной, предлагалъ ему возражать Ермолову, но Платовъ отвѣчалъ: оставь Ермолова въ покоѣ, ты его не знаешь, онъ въ состояніи сдѣлать съ нами то, что *приведетъ нашихъ казаковъ въ сокрушеніе, а меня въ размышленіе.*

Одаренный несомнѣнно большимъ умомъ, Платовъ отличался особенно присутствіемъ духа, необыкновенной смѣлостью и находчивостью. Про его умѣнье не потеряться и найти выходъ изъ затрудненія разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Разъ онъ былъ въ гостяхъ у вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и когда, выходя вмѣстѣ съ другими изъ ея покоевъ, сталъ раскланиваться съ императрицею, нечаянно задѣлъ саблею стоящую около дорогую фарфоровую вазу; она упала, разбилась и повалила еще нѣсколько вазъ, которыя тоже разбились. Самъ Платовъ, кинувшійся поддержать вазу, поскользнулся на паркетѣ и упалъ бы, если бы его не поддержала сама императрица. Другой растерялся бы совершенно и далъ бы пищу безчисленнымъ шуткамъ и разговорамъ. Платовъ же не потерялся. Поцѣловавъ руку императрицы и благодаря ее за поддержку, онъ сказалъ присутствующимъ: „Вѣрно правду говоритъ пословица: что казакъ не можетъ взять съ собою, то онъ разобьетъ". На другой день всѣ говорили о находчивости атамана Платова и повторяли его послѣднюю фразу.

Человѣкъ набожный и глубоко-религіозный, графъ Платовъ дѣлалъ богатые вклады и пожертвованія въ церкви и монастыри. Впрочемъ, онъ вообще былъ чуждъ корыстолюбію, всегда отличался щедростью и жилъ м. б. немного расточительно, не по средствамъ; поэтому многіе считали его милліонеромъ. Въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга ему не на что было выѣхать. Государь далъ ему взаймы 100 т. руб. Но графъ не успѣлъ погасить своего долга и умеръ, оставивъ долгу до 300 т. рублей.

Семья у графа Платова была небольшая: жена, два сына и двѣ дочери; жена умерла ранѣе его, еще въ 1812 г., когда атамана не было на Дону. Возвратившись домой изъ заграничныхъ походовъ, графъ Платовъ горько плакалъ надъ ея могилой, и его насилу увели оттуда. Послѣдніе годы жизни любимымъ развлеченіемъ графа въ часы досуга была рыбная ловля. Платовъ держался старины, былъ охранителемъ казацкихъ обычаевъ. „Я называю, говаривалъ онъ, *перевертями* тѣхъ, кои перевертываются въ разныя стороны, пренебрегая кореннымъ своимъ заведеніемъ. Боже оборони! ежелибъ я услышалъ о подобныхъ поступкахъ моихъ дѣтей, я бы исключилъ ихъ изъ общаго нашего семейства и надъ ними показалъ бы примѣръ справедливаго наказанія!.. Доколѣ мы подражать будемъ нашимъ предкамъ въ исполненіи предписанныхъ правилъ честности, дотолѣ милый нашъ Донъ существовать будетъ подъ покровомъ благодати Всевышняго Творца“.

ВЪ СКЛАДѢ КОНТОРЫ

„ВѢСТНИКА КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ“

имѣются оставшіеся за удовлетвореніемъ подписчиковъ

ЭКЗЕМПЛЯРЫ БРОШЮРЪ:

1) **„Т. Г. Шевченко — пѣвецъ Украйны и Запорожья“**, съ портретомъ на мѣловой бумагѣ и иллюстраціями въ текстѣ. Очеркъ Вл. П. Кранихфельда. **Цѣна 30 коп.**

2) **Положеніе объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ** (Сборникъ Узаконеній и Распоряженій Правительства 1891 г., № 73, ст. 771):—**высылается за двѣ семикопѣечныя марки.**

3) **„Уральскіе казаки и ихъ рыболовства“** съ иллюстраціями въ текстѣ. Очеркъ Н. А. Бородина. **Ц. 20 коп.**

4) **„І. И. Желѣзновъ, писатель-казакъ“**, съ портретомъ и иллюстраціями въ текстѣ. Очеркъ Н. А. Бородина. **Цѣна 30 коп.**

5) **Кошевые атаманы Черноморскаго казачьяго войска** XVIII столѣтія. Очеркъ П. І. Короленко. **Цѣна 20 коп.**

6) **Законы о воинской повинности казачьихъ войскъ.** Изд. неоффиціальное **Ц. 10 к.**

7) **Терскіе казаки и ихъ рыбные промыслы** (съ иллюстр.). Очеркъ И. Д. Кузнецова. **Цѣна 20 коп.**

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.